

Я РЕШИЛ СНЯТЬ ФИЛЬМ

Популярное объяснение, как трудно это сделать, для тех, кому это интересно

ИВАН ДЫХОВИЧНЫЙ:

“Сегодня кино напоминает мне отношения богатого человека и девушки. Богатый говорит: “Я знаю, что вы меня не любите, но я вас люблю. По крайней мере я обещаю делать вам приятное: возить вас по миру, дарить вещи”. И она думает: а почему бы нет? Потом выясняется, что он жмот, что ей совершенно незачем ездить в автомобиле, потому что есть метро, а Индия — заразная страна...”

Как снять кино и не пустить себе пулю в лоб

Вас переполняет вдохновение

Вначале я ищу человека, с которым могу написать сценарий. Гармонии, как правило, не наступает. Обычно это связано с амбициями профессии, которая у нас совершенно неверно трактуется как сценарист. Есть талантливые люди, которые хорошо пишут, но кино — совсем другое дело. Почти никто не упражняется простым ремеслом и не владеет каноном. Многие перестали работать, другие заняты или уехали, а некоторым уже ничего не хочется.

Я написал сценарий, теперь я ищу деньги

Я начинаю искать людей, которые ими владеют. Можно попросить денег у Роскомкино, но государство выделяет на всю кинематографию примерно 7 миллионов долларов в год. Если вы рассчитываете только на государственные деньги, а они делятся на несколько десятков картин, вы практически подписали смерть своему проекту. Значит, вы должны взять деньги там, где вы почувствовали — они могут быть.

Сколько сегодня стоит фильм?

Фильм — это как дом. Есть дом и Дом. Финский домик с двумя комнатами стоит, скажем, 20 тысяч долларов, а дом на Средиземном море с амфиладами и красивым спуском к морю — уже 18 миллионов. Среднепостановочный серьезный фильм стоит от 800 тысяч до полутора миллиона. Зрелищная картина, фильм-“экшен” — 4–5 миллионов долларов.

Сколько может вам дать богатый человек?

Еще год назад у богатых была радость от первых денег, но сегодня разорилась почти половина бизнесменов, и теперь они стали

Павел Лунгин наглядно демонстрирует будущую модель русского кино по Дыховичному. У его нового фильма “Жизнь в красном цвете” продюсер — француз, актер — француз, оператор — француз, съемочная группа — французская, говорят по-французски, а снимается все в Москве. Потому что на Родине дышится лучше, Родина художника духовно насыщает. Насытится дух — и обратно. Юноша под зонтиком за человеком-горой — первый любовник французского экрана Винсент Перес. Ну а Павла Лунгина ни с кем не спутаешь — нашего режиссера видно издали. Кино мы его, по-видимому, оттуда же и увидим, потому что вначале Канн, потом западный прокат, всенепременное закидывание удочек в Голливуд и т.д. Вся надежда на друзей-видеоопиратов. Они свой народ никогда не подводили. Вон, рассказывают, Костнер еще свое кино не видел, а мы уже посмотрели. Так что как бы они по-французски ни изъяснялись, а мы будем первыми.

деньги считать. Сегодня богатый человек больше 100–200 тысяч долларов на фильм из кармана не вынет.

Сколько могут дать иностранцы?

Французский Фонд помощи культуре может дать на проект до 200 тысяч долларов. Но иностранцы никогда не дадут денег, если у вас нет продюсера, естественно, только иностранного, который захочет с вами работать. Но они боятся переводить деньги в наши банки. А вдруг у нас завтра будет переворот? Мы выживаем в нечеловеческой ситуации. В нашей стране не существует страхования фильма. У нас нет института продюсеров. На “Мосфильме” во всех павильонах — склад, в примерных провалились потолки. На кино дикий налог, примерно половина от стоимости картины. Ни один режиссер на Западе не обременен 90 процентами тех забот, которыми обременен наш режиссер. Он сам выбирает

пуговицы, сам ищет артистов, сам пишет сценарий и стоит с оператором, до края проверяя все детали.

Сколько стоит звезда?

Наш актер получает в среднем 10 тысяч долларов за главную роль. Елена Сафонова согласилась сниматься в “Музыке для декабря” на условиях много ниже тех, на которые она идет в нормальной европейской картине. Думаю, там она получает где-то 50–70 тысяч долларов за картину. Но иностранный артист может сниматься и бесплатно, если ему это интересно.

Сколько стоит кинокритик?

У наших профессионалов, на мой взгляд, совершенно потеряны критерии, что хорошо, а что плохо. Никто не собирается, конечно, тестировать их на количество нот, которые они слышат, и количество красок, которые они видят, но у меня такое ощущение, что это группа глухонемых, а также слепых. Я уже не го-

ворю, что они все просто не любят кино и дома, по-моему, тайно смотрят “Рэмбо-3”.

Может фильм принести прибыль?

Правда заключается в том, что никакими средствами деньги за картину сегодня вернуть невозможно. Те, кто у нас занимается прокатом, — это поручики Кихи. Они скрывают свои доходы и умышленно занижают и без того низкую посещаемость кинотеатров. Даже Михалков, имея невероятный успех у публики, связи и узнаваемость, не может отбить деньги без проката на Западе. Это минимум Европа и максимум Америка. Может наступить страшный момент, когда кино вообще больше никто не будет финансировать, и нам придется соединиться с западным капиталом. Но это шаг отчаянный, потому что нас заставят снимать фильмы на иностранном языке. На русском больше никто не будет снимать.

Что делать, чтобы не остаться единственным зрителем своей картины?

Моя модель проката. Его могут сделать богатые люди. Надо легализовать подпольный бизнес, я имею в виду черный видеорынок, а это уже огромные магнаты, вступить с ними в сговор, и они должны начать делать кино. Они уже не хотят быть криминальными людьми. Их не надо сажать в тюрьму, с ними надо сговориться, и они сами наведут порядок. Надо их увлечь этой идеей, соединить с западными деньгами и отбиться. Я думаю, у богачей следующим за ресторанами будет кино, потому что во всем мире кинотеатры — это бизнес, деньги, прибыль.

Если деньги на кино так и не нашлись?

Я хочу зарабатывать себе на хлеб своей профессией. Если мне закажут делать фильм о крокодилах, я стану его делать, потому что я не хочу торговать. Раньше были монстры-асы, которые не пускали в кино никого. Сейчас денег нет ни у асов, ни у уасов. Многие режиссеры моментально перестали снимать. У них свернулась кровь. Как если женщина не живет половой жизнью, у нее прекращается к этому интерес. В нашей стране очень мало людей, кто хочет снимать кино. Та продукция, которая все-таки делается несмотря ни на что, существует просто как выдающийся факт того, что человек не может не делать. Как не может остановиться река.

Как перестать беспокоиться и начать жить?

Мы дискредитировали кино безобразными картинами. Раньше люди вызывали состояние тем, что читали книгу и у них после этого несколько дней было Удивительное Чувство. Сегодня вы включаете музыку “техно”, за два часа добиваетесь похожего состояния или принимаете таблетку, что еще быстрее. Люди смотрят кино, после которого не помнят, ни с чего оно начиналось, ни что там было в середине, но все время что-то мелькало, стреляло, падало и любило. Нам надо снимать сюжеты, которые реально происходят с людьми, живущими в этой стране. Нашему человеку, конечно, чрезвычайно интересно, что происходит с каким-то американским гангстером в Чикаго, но к нашей жизни это не имеет прямого отношения. Надо зацепить народ. Если кто-то пойдет первым, потянутся остальные.

Фото Патрика ЦАКМАНА.
Агентство MAGNUM

Может кинематограф - 1995 - 50 лет - 64